
Глава I

ПАДЕНИЕ: 1964, ОКТЯБРЬ

На полпути между Гагрой и Сухуми, на побережье Абхазии, врезается в Черное море живописный мыс Пицунда. Он поднимается из моря на высоту около ста метров; позади него высятся величественные кавказские горы. Большую часть мыса занимает сосновый бор. За оштукатуренной стеной с массивными железными воротами, на просторной, заботливо ухоженной территории располагаются три великолепных загородных дома. Они соединены дорожками, прихотливо петляющими меж деревьев: самая широкая из них, мощенная камнем, тянется вдоль невысокой стены, огораживающей песчаный пляж. Осенью 1964 года на пляже стояло несколько сине-белых брезентовых палаток: одни — для гостей, предпочитающих спать у воды, другие — в качестве кабинок для переодевания. В нескольких десятках метров от дома располагался дощатый настил с плетеными креслами: здесь, в тени просторного навеса, часто сидели гости, угощаясь свежими фруктами¹.

Эта усадьба была возведена в середине 1950-х годов по приказу Хрущева². Один дом занимал он сам с семьей, двумя другими пользовались — временно, как было принято в Советском Союзе, — другие высшие государственные руководители. Хрущев жил в двухэтажном здании с белеными стенами: просторные, со вкусом обставленные комнаты с белыми шторами выходили окнами на море. Широкий балкон опоясывал второй этаж. При доме имелись небольшой спортзал с сеткой для игры в бадминтон и другим спортивным снаряжением, а также глубокий бассейн, стеклянная стенка которого отодвигалась и открывала вид на море, и просторная веранда на каменной насыпи. Стеклопакетные двери вели с веранды в сравнительно небольшой кабинет со

стенами, отделанными красным деревом: здесь находились диван, несколько кожаных кресел, с нарочитой небрежностью размещенных на восточном ковре, а в углу — большой стол красного дерева, уставленный целой батареей телефонов. Один из них — специальная высокочастотная линия, контролируемая КГБ, обеспечивал связь советских партийных и государственных руководителей (а также резиденций и дач их обитателей) по всей стране. Параллельные аппараты этой линии находились в кабинете и спальне Хрущева на втором этаже, в кабинетах его помощников, а также у бассейна. Именно этот правительственный телефон зазвонил вечером 12 октября 1964 года.

В ту осень Хрущев, казалось, достиг вершины своего могущества. Но реально он находился на грани катастрофы. Через три года после принятия новой программы партии, обещавшей коммунистическое изобилие к 1980 году, по всей стране начались проблемы с продовольствием. Партийные чиновники возмущались потерей привилегий и нестабильностью своего положения. Сокращение вооружений и численности армии стало последней каплей для военных. Либеральная интеллигенция потеряла веру в Хрущева; не поддерживали его ни рабочие, ни крестьяне.

Столкнувшись с серьезными проблемами, Хрущев начал поговаривать об уходе на пенсию. Однако решиться на такой шаг не смог; вместо этого он вынашивал планы дальнейших реформ. Некоторые его идеи — например, проект новой конституции, ограничивающей власть советских вождей (разумеется, не считая «незаменимых» вроде него самого) и даже обеспечивающей возможность выборов в законодательные органы из нескольких кандидатов — опережали свое время. Другие отражали его страсть к реорганизациям, представлявшуюся товарищам по партии утомительной и смехотворной. Так, для оживления советского сельского хозяйства Хрущев предлагал создать в Москве девять централизованных организаций, отвечающих за основные направления сельскохозяйственной промышленности. Называться они должны были, по советскому обыкновению, аббревиатурами: Главзерно, Главмясо, Главсахар и т. п. Предчувствуя, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет, кремлевские коллеги Хрущева язвительно прохаживались насчет его идеи, спрашивая: какой же бюрократ согласится принять звание Главгуса или Главбарана?³

Уже к лету 1964 года Хрущев отчаянно нуждался в отдыхе. Вместо этого он предпринял визит в Египет, где пробыл две с половиной недели и почти ничего не достиг, трехне-

дельное турне по Скандинавским странам, где в основном любовался пейзажами, поездку по советским сельскохозяйственным регионам, где мало что могло его порадовать, и визит на казахский космодром Тюратам (позже названный Байконуром) в обществе генералов, которые уже едва терпели своего главнокомандующего. Только в начале октября он позволил себе уйти в отпуск.

Хрущев любил говорить гостям, что в Пицунде не только отдыхает, но и размышляет. «Бывают задачи, которые не решишь правильно, если как следует над ними не подумаешь, — говорил он в апреле 1963-го редактору американского журнала Норману Казинсу. — Даже куры не вдруг яйца кладут. В серьезных делах торопиться незачем»⁴.

Но сам Хрущев редко следовал собственному совету. Слишком часто он брался за новое дело второпях, хорошенько его не обдумав. Даже на отдыхе ему не сиделось на месте: он навещал близлежащие колхозы и санатории, принимал советских чиновников, иностранных лидеров и других гостей. Вот и в октябре 1964 года он все свободное время посвящал работе: читал поступающие телеграммы и готовился к ноябрьскому пленуму ЦК КПСС, на котором, как грозился своим кремлевским коллегам, собирался заменить кое-кого из них более энергичными и эффективными руководителями⁵. В перерывах между делами он по несколько раз в день прогуливался вдоль морского берега.

12 октября, во время вечерней прогулки в обществе Анастаса Микояна, главного союзника Хрущева в вопросах управления Президиумом ЦК, в доме зазвонил правительственный телефон. Партийные лидеры в сопровождении охранника прогуливались по дорожке, огибающей пляж, когда к ним подбежал другой охранник. Из Москвы звонил Леонид Брежнев — второй человек в Кремле. Хрущев снял трубку в кабинете. Брежнев сообщил, что на завтра намечено чрезвычайное заседание Президиума.

— Зачем? — спросил Хрущев. — По какому вопросу?

— О сельском хозяйстве и по другим вопросам, — ответил Брежнев.

— Решайте без меня! — резко ответил Хрущев.

— Без вас мы решить не можем, — ответил Брежнев. — Все члены Президиума уже собрались. Мы просим вас приехать.

— Я в отпуске. Что такое стряслось? Вернусь через две недели, тогда все и обсудим. — Помолчав, Хрущев добавил: — Вообще я ничего не понимаю. Что значит «все собра-

лись»? В ноябре будет пленум, посвященный сельскому хозяйству. Там обо всем и поговорим.

Брежнев настаивал. Наконец Хрущев согласился вернуться в Москву на следующий день, если за ним пришлют самолет. Приказав охраннику связаться со своим личным пилотом, а помощникам — перенести на более ранний час назначенный на следующий день завтрак с французским посланником Гастоном Палевски, Хрущев вместе с Микояном вернулся на пляж.

Некоторое время они молча шли рядом. Затем Хрущев сказал:

— Знаешь, Анастас, нет у них никаких срочных сельскохозяйственных вопросов. Думаю, это то самое, о чем предупреждал нас Сергей⁶.

Сергей, сын Хрущева, работал инженером систем управления в конструкторском бюро Владимира Челомея. Около месяца назад он предупредил своего отца и Микояна, что против Хрущева в Президиуме готовится заговор.

Сергей узнал об этом в сентябре 1964 года от начальника службы охраны Николая Игнатова, игравшего в заговоре заметную роль. Желая предупредить руководителя страны, охранник позвонил в резиденцию Хрущева, когда сам лидер был в Казахстане, и назначил Сергею встречу. В подмосковном лесу, вдали от посторонних ушей, он рассказал все, что знал.

Ранее, еще летом, дочери Хрущева Раде, жене Алексея Аджубея, члена ЦК и редактора газеты «Известия», позволила какая-то женщина, сказав, что хочет сообщить «важную информацию». Когда Рада отказалась встретиться с ней лично, женщина выпалила, что против Хрущева составлен заговор. Рада посоветовала ей обратиться в КГБ; на это женщина ответила: «Я потому и звоню вам, что председатель КГБ тоже в этом замешан!»

Глава КГБ Владимир Семичастный был другом мужа Рады, так что она не приняла информацию всерьез. Хрущев не раз советовал своим детям «не совать нос» в политику. Поэтому Рада вежливо попросила незнакомку больше не звонить.

Следующее известие о заговоре Рада получила от бывшего управделами Центрального Комитета. На этот раз она посоветовалась со старинным другом семьи; тот заверил, что ее информатор чересчур подозрителен, и Рада успокоилась.

Третий сигнал поступил из Грузии. Брат помощника Аджубея Мэлора Стуруа, высокопоставленный партийный чиновник, догадался о том, что происходит в Москве, по намеку, брошенному первым секретарем ЦК компартии Грузии Василием Мжаванадзе. Дэви Стуруа рассказал об этом Аджубею. Но тот ничего не сообщил Хрущеву⁷.

После возвращения отца в Москву Сергею понадобилась неделя, чтобы собраться с духом и все рассказать. Он нарушил семейное табу во время воскресной утренней прогулки в резиденции Хрущева недалеко от Москвы-реки. Хрущев выслушал его молча, не проявляя никаких эмоций, и сказал только: «Ты правильно сделал, что рассказал мне». Затем он попросил Сергея повторить имена членов Президиума, будто бы вовлеченных в заговор, и, подумав немного, заметил:

— Нет, невероятно... Брежнев, Подгорный, Шелепин — совершенно разные люди. Не может этого быть. Игнатов — возможно. Он очень недоволен, и вообще он нехороший человек. Но что у него может быть общего с другими?

Вернувшись в дом, Хрущев попросил сына никому не рассказывать о беседе с охранником Игнатова. Однако на следующий же день, на работе, сам предупредил одного из заговорщиков.

— Мы с Микояном и Подгорным вместе выходили из Совета министров, и я в двух словах пересказал им твой рассказ. Подгорный просто высмеял меня. «Как вы только могли такое подумать, Никита Сергеевич?» — вот его буквальные слова⁸.

Поведение отца показалось Сергею «странным, нелогичным и необъяснимым». Чего он добился, предупредив Подгорного? «Неужели ожидал признания? В прошлом ему случалось проявлять наивность — но не в такой же ситуации!»⁹

«Странное, нелогичное и необъяснимое» — пожалуй, мягко сказано. Заговорщики метались между страхом и надеждой. Особенно Брежнев. Во время поездки в Казахстан он буквально пресмыкался перед Хрущевым: когда ветер сорвал у того с головы шляпу, Брежнев сам бросился за ней, подхватил, обогнав более молодого человека, старательно счистил с нее грязь и пыль и вернул Хрущеву¹⁰. В сентябре Брежнев не раз звонил председателю КГБ Семичастному, отдыхавшему на юге, предлагал готовиться к решающему удару, но тут же перезванивал и отменял свое решение¹¹. Однажды утром в начале октября Брежнев попросил секретаря Московского горкома партии Николая Егорычева по дороге на работу заехать к нему в его квартиру в доме на Кутузов-

ском проспекте. Бледный и дрожащий Брежнев увел Егорычева в самую дальнюю комнату.

— Коля, — пролепетал он, — Хрущеву все известно! Нас всех расстреляют!

Брежнев всхлипывал и едва удерживался от рыданий. Напрасно Егорычев пытался его успокоить: Брежнев ничего не хотел слушать.

— Ты плохо знаешь Хрущева, ты плохо его знаешь! — повторял он¹².

Однако сам Брежнев, как видно, тоже его не знал. Даже получив информацию о заговоре, Хрущев не сделал ничего, чтобы ему противостоять. Вскоре по приезде в Пицунду ему нанес визит один из заговорщиков, первый секретарь Краснодарского горкома партии Георгий Воробьев. Хрущев спросил, правда ли, что Воробьев вел какие-то переговоры с Игнатовым: Воробьев все отрицал, и Хрущев отпустил его с миром.

— Оказывается, ничего такого не было, — рассказывал Хрущев Сергею, который вскоре приехал к нему в Пицунду. — Он [Воробьев] заверил нас, что сообщение того человека — как бишь его — чистая фантазия. Он [Воробьев] провел здесь весь день. Принес в подарок пару индеек, и отличных. Сходи на кухню погляди¹³.

Однако Хрущев не был столь беззаботен, как казалось на первый взгляд. Несколько дней спустя он позвонил члену Президиума Дмитрию Полянскому, потребовал выяснить, что происходит в Москве за его спиной, и пригрозил сам прилететь и разобраться. Когда Полянский ответил, что члены Президиума будут рады его приезду, Хрущев спросил саркастически: «Так-таки рады?» Однако это лишь побудило участников заговора действовать быстрее¹⁴.

Брежнев и остальные опасались, что странное поведение Хрущева — лишь ловкий трюк, что он вовсе не собирается возвращаться в Москву. Весь вечер 12 октября Брежнев названивал Семичастному, требуя информации. Только около полуночи Семичастный заверил его, что самолёт для Хрущева приготовлен¹⁵. Но и после этого Брежнев опасался неприятных сюрпризов. Ведь, как замечал позднее Семичастный, Хрущев «смял таких, как Маленков, Молотов, всех. Ему, как говорят, природа и мама дали дай бог. Сила воли, сообразительность... быстрое мышление, разумное. Когда я к нему шел докладывать, я готовился всегда дай бог. У Лени я мог... с закрытыми глазами, можно было пару анекдотов рассказать — и весь доклад»¹⁶.

В тот же вечер в Пицунде, через час после звонка Брежнева, Сергей застал отца одного в столовой: тот пил мине-

ральную воду и выглядел усталым и расстроенным. Сын даже не успел обратиться к отцу. «Не приставай!» — буркнул тот и медленно побрел в спальню. «Спокойной ночи», — пробормотал он, не оборачиваясь¹⁷.

Следующее утро выдалось теплым и ясным. Сквозь туман проглянуло солнце. Сад между домом и морем пестрел цветами. После завтрака Хрущев, как обычно, вышел на веранду и просмотрел самые срочные из пришедших за ночь телеграмм. В это время на дорожке, ведущей к главному дому, показалась французская делегация во главе с посланником Палевски. Хрущев тяжело поднялся, надел пиджак и вышел им навстречу. Как правило, сперва он представлял гостей своей семье и лишь затем начинал деловые разговоры, но на этот раз даже не взглянул на Сергея. Обычно гости приходили на несколько часов; в тот день они пробыли не дольше получаса.

Легкий обед — овощной суп и вареного окуня — Хрущев и Микоян ели в молчании. Наконец настало время уезжать. Управляющая резиденцией, как обычно, преподнесла Хрущеву прощальный букет осенних цветов. Хрущев уже устроился на сиденье своего огромного ЗИЛа, когда к машине подбежал бравый генерал — командующий Закавказским военным округом. Главы ЦК партии и правительства Грузии были в Москве (все они принимали участие в заговоре), поэтому проводить почетного гостя республики в аэропорт было поручено генералу. Он должен был присмотреть за тем, чтобы Хрущев в целостности и сохранности вылетел навстречу своему политическому краху.

В аэропорту Адлера его ждал личный пилот, генерал Николай Цыбин, служивший у Хрущева со времен Великой Отечественной войны, а в последние годы вместе с ним облетевший чуть ли не весь мир. Хрущев и Микоян вошли в дальний салон самолета, пассажирские кресла в котором заменяли удобный диван, два стула и стол. Членам команды полагалось занимать салон, находящийся сразу за кабиной пилота. Во время перелетов, как и в отпуске, Хрущев терпеть не мог одиночества: если он не читал бумаги, подготовленные помощниками и стенографистками, то приглашал кого-нибудь из помощников или obsługi к себе в дальний салон поболтать. На этот раз, однако, в салон вместе с ним вошел только Микоян. «Оставьте нас вдвоем», — коротко приказал Хрущев. Когда явилась стюардесса с армянским коньяком, минеральной водой и закусками, он и ее отослал.

В середине октября в Москве обычно серо, пасмурно и моросит холодный дождь; однако день тринадцатого октяб-

ря 1964 года выдался ясным. Самолет Хрущева сел во Внуково-2, аэродроме на юге города, зарезервированном для прилетов и отлетов официальных лиц, и подкатил к сверкающему стеклом правительственному павильону. Как правило, при возвращении советского лидера первые лица партии и правительства встречали его на аэродроме. Хрущев любил такие встречи, хотя и сетовал на то, что коллеги покидают свои рабочие места, прибавляя добродушно: «Неужели, думаете, я без вас дороги не найду?» В этот раз гудронное шоссе было пусто: только вдаль маячили три фигуры. Когда к самолету подали трап, внизу уже ждали Хрущева глава КГБ Семичастный, а с ним — руководитель ГРУ и чиновник из Верховного Совета.

Хрущев начал спускаться по трапу первым.

— С благополучным прибытием, Никита Сергеевич, — проговорил Семичастный.

Этот круглолицый сорокалетний человек был обязан своей блестящей карьерой именно Хрущеву. В 1946 году, в возрасте двадцати двух лет, он благодаря Хрущеву получил высокую должность в украинской комсомольской организации; в 1961-м, когда ему было всего тридцать семь, возглавил Комитет госбезопасности. Его благодетель еще не вылетел из Пищунды, когда Семичастный снял с должности прежнего начальника охраны Хрущева; к тому моменту, когда Хрущев добрался до Москвы, его столичная и загородная резиденции уже находились под контролем новой команды охранников, подчинявшихся только Семичастному¹⁸.

Стараясь не смотреть Хрущеву в глаза, Семичастный подал ему руку.

— Все собрались в Кремле, — сообщил он. — Ждут вас¹⁹.

— Поехали, Анастас, — сказал Хрущев Микояну.

Павильон был пуст, если не считать охранников по углам. За дверью с другой стороны Хрущева ждал массивный ЗИЛ, а за ним — еще несколько черных автомобилей: ЗИЛ Микояна, несколько менее внушительная «чайка» Семичастного, «Волги» мелких чиновников из хрущевского окружения и машины охраны.

Хрущев и Микоян сели в одну машину. Охранник хлопнул за ними заднюю дверцу и сел на переднее сиденье. Следом за ЗИЛом Хрущева ехал автомобиль охраны, за ним — Семичастный на своей «чайке». Процессия двинулась по восьмиполосному Ленинскому проспекту к центру города; милиционеры перекрывали движение на ее пути. Улица Димитрова, мост через Москву-реку... Вот и въезд в Кремль через Боровицкие ворота.

Зал заседаний Президиума располагался на втором этаже здания, в царские времена служившего для заседаний Сената, через две двери от рабочего кабинета Хрущева. Вечерняя сессия начиналась в четыре часа дня. Члены Президиума, вошедшие в зал последними, увидели Хрущева на обычном председательском месте — во главе большого прямоугольного стола, обтянутого зеленым сукном. По сторонам стола сидели члены и кандидаты в члены Президиума, а также секретари ЦК. Все присутствующие, за редким исключением, были протеже Хрущева, которых он ввел во власть, и партийные ветераны, поддерживавшие его в былых сражениях. Однако никто из них, кроме Микояна, не решился сказать хоть слово в его защиту.

Хрушев, загорелый, но едва ли вполне отдохнувший, открыл заседание²⁰ и попросил объяснить, чем вызван экстренный созыв Президиума. В ответ грузный, с мохнатыми бровями Брежнев набросился на своего бывшего покровителя с целым ворохом обвинений. Двумя годами раньше, когда Хрушев разделил партию на индустриальное и сельскохозяйственное крыло, Брежнев первым принялся восхвалять его решение. Теперь же он заявил, что хрущевская реформа «противоречит заветам Ленина» и «дезорганизует» и промышленность, и сельское хозяйство.

Хрушев, продолжал Брежнев, обращается с коллегами «грубо». У него развилась привычка «принимать решения за обедом»; он «игнорирует чужое мнение», часто выглядит рассеянным и безразличным. Во время подготовки к предстоящему ноябрьскому пленуму ЦК он вдруг, ни с того ни с сего, сорвался в отпуск, так что коллеги по Президиуму «не знали, где он». И вообще, Хрушев в последнее время действует «единолично, игнорируя Президиум».

«Ваше поведение нетерпимо», — заявил Брежнев. Вот почему коллеги Хрущева вызвали его из Пицунды. На заседании, объявил Брежнев, будут обсуждаться не вопросы сельского хозяйства, а один-единственный вопрос — о руководителе партии и правительства.

Хрушев начал защищаться — отрывисто, сумбурно. Он долго служил партии и народу. Вот и сейчас, откликнувшись на вызов Президиума, немедленно вернулся в Москву. Да, ему случалось совершать ошибки; но он думал, что люди вокруг — его товарищи...

— У вас здесь нет товарищей! — выкрикнул Геннадий Воронов.

— Но почему?! — повысив голос, воскликнул Хрушев. — Зачем вы это делаете?!

— Долго мы вас слушали, теперь вы нас послушайте! — крикнул кто-то с места.

Петр Шелест — невысокий, крепкий, совершенно лысый, с густыми черными бровями — начал вежливо. «Мы многому у вас научились, — сказал он, — и привыкли уважать вас: но в последнее время вы переменились». Хрущев превратил пленумы ЦК в массовые мероприятия, на которых «невозможно говорить свободно». Его требование «догнать и перегнать Америку», выдвинутое в 1957 году без консультаций с Президиумом, привело сельское хозяйство на грань катастрофы. Хрущев «непредсказуем, высокомерен и несдержан».

Следующим поднялся Воронов — плотный человек в очках. «В Президиуме стало невозможно работать, — говорил он. — Прежде был культ Сталина, а теперь — культ Хрущева». Воронов — специалист по сельскому хозяйству, однако все вопросы в этой области Хрущев решает, не советуясь с ним. Он громогласно провозглашает «истины, которые любому крестьянину известны» (например, что «удобрения повышают урожай» или «пчелы опыляют гречиху»). За последние три с половиной года не было случая, чтобы, попытавшись высказать свое мнение, Воронов не услышал в ответ «брань и оскорбления». «Для товарища Хрущева, — заключил он, — пришло время уйти с занимаемой должности».

Следующим настал черед Александра Шелепина. Сорокашестилетний «Железный Шурик» (как звали его друзья), смуглый темноволосый красавец, не скрывающий своего честолюбия, блестящей карьерой был обязан Хрущеву. Благодаря Хрущеву он поднялся от комсомольского лидера до члена ЦК, шефа КГБ и наконец, в 1959 году, до секретаря ЦК. Для Брежнева он представлял серьезную угрозу, однако оба они на время забыли о соперничестве, чтобы сбросить с трона своего бывшего благодетеля. Шелепин обвинил Хрущева в грубости, чванстве, неуважении к коллегам, добавив, что Хрущев чересчур поспешно принимает решения, импульсивен и склонен к интригам. Обвинение в «грубости», когда-то брошенное Лениным в адрес Сталина, «полностью к вам подходит». Хрущеву свойствен «бонапартизм»: он окружил себя «лизоблюдами» и изводит коллег «необдуманными угрозами». Он списал многомиллионный долг убыточному колхозу в своей родной Калиновке — что это, если не фаворитизм самого дурного толка? Наконец, Шелепин обвинил его в том, что во время Суэцкого кризиса 1956 года Хрущев поставил СССР на грань войны, не сумел разрешить Берлинский кризис, а на Кубе «играл судьбой человечества».

Андрей Кириленко подчеркнул изоляцию Хрущева. К нему стало невозможно попасть на прием, чтобы посоветоваться по работе. Хрущев не звонил Кириленко почти три года! Если же все-таки удастся с ним встретиться, он оскорбляет собеседников, обзывает их болванами и осыпает бранью вроде: «Идите в задницу!»

Собственные ошибки Хрущев сваливает на лидеров союзных республик — так случилось с первым секретарем ЦК компартии Белоруссии Кириллом Мазуровым. На партийных собраниях воцарился настоящий культ Хрущева, исключая свободное обсуждение партийных проблем. Лесть и пресмыкательство, поощряемые Хрущевым, уже привели к раздору в международном коммунистическом движении.

Леонид Ефремов, зампредсовнаркома РСФСР, добавил, что вопросы внешней политики Хрущев решает «как в голову взбредет», принимает решения «за обедом» или «пока читает телеграммы»²¹.

Михаил Суслов стал секретарем ЦК в 1947 году, еще при Сталине, следовательно, был обязан Хрущеву меньше других. Высокий, аскетического вида Суслов казался да и был политиком более консервативного (просталинского) направления, нежели взрывной, импульсивный Хрущев, однако до сих пор во всем его поддерживал. «Никита Сергеевич, — сказал теперь Суслов, — вы даже не понимаете, как далеко все это зашло... Вы никого не слушаете. Говорите, что развитию сельского хозяйства мешают чиновники на местах — нет, Никита Сергеевич, больше всего мешаете вы... Вы слишком прислушиваетесь к своим родственникам, особенно к Аджубею. Возите родных с собой за границу. После каждой вашей поездки нам приходится защищать вас перед иностранными друзьями. Во всех газетах непрерывно “Хрущев то, Хрущев это”, каждый день на всех первых полосах ваши фотографии. Этому надо положить конец»²².

Последним выступил Виктор Гришин, глава профсоюзов: он пожаловался, что не был на приеме у Хрущева уже четыре года. Наступил вечер. Далеко не все ораторы успели выступить, поэтому решено было перенести заседание на следующий день — заговорщики были так уверены в своей силе, что могли себе позволить эту отсрочку. И все же они опасались, что Хрущев выкинет какой-нибудь фортель. Когда он покинул зал, заговорщики пообещали друг другу не отвечать на его звонки — на случай, если он попытается перетянуть кого-то на свою сторону. Позже Брежнев позвонил Семичастному и спросил, куда поехал Хрущев после заседания — к себе на квартиру? За город?

— А у меня, — ответил Семичастный, — и там, и сям, и везде наготовлено. Нигде не будет неожиданностей.

— А если он позвонит? Позовет на помощь?

— Никуда он не позвонит. Вся связь у меня!²³

Около восьми часов лимузин Хрущева подъехал к воротам его резиденции на Ленинских горах. От близлежащей Воробьевской улицы дом отгораживала желтая кирпичная стена примерно пяти метров в высоту. Сергей Хрущев — из Внуково-2 он добрался домой самостоятельно и весь остаток дня провел в тревожном ожидании — вышел навстречу отцу.

— Все получилось так, как ты говорил, — проговорил Хрущев-старший. Выглядел он расстроенным и очень усталым. — Вопросов не задавай. Устал я, и подумать надо...

Хрущев дважды обошел вокруг дома, затем поднялся в спальню на второй этаж и попросил принести чаю. Никто не осмеливался его беспокоить. Нина Петровна Хрущева в это время отдыхала в Карловых Варах — по иронии судьбы, вместе с Викторией, женой Брежнева.

В тот же вечер Хрущев позвонил Микояну.

— Я уже стар и устал, — сказал он. — Пусть справляются сами. Главное я сделал. Отношения между нами, стиль руководства поменялись в корне. Разве кому-нибудь могло пригрезиться, что мы можем сказать Сталину, что он нас не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных. В этом моя заслуга. А бороться я не буду²⁴.

Если телефон Хрущева, как предполагал он сам и его родные, прослушивался КГБ, после его разговора с Микояном заговорщики могли успокоиться. Однако самому Хрущеву следующий день облегчения не принес. Даже в лучшие свои времена он терпеть не мог критики — а теперь на него обрушился целый шквал обвинений.

Заседание Президиума возобновилось в десять утра. Первым взял слово Дмитрий Полянский. «Сталин себя скромнее вел, чем вы, Никита Сергеевич, — говорил он. — Вы заболели манией величия, и, думаю, это неизлечимая болезнь. Вы умный человек, но наделали много ошибок». На случай, если Микоян вздумает вступить за своего друга, Полянский предусмотрительно добавил, что Хрущев и Микояна оскорблял, за глаза называя его «слякотью» и «назойливой мухой»²⁵.

Микоян выступал следующим. Он также критиковал ошибки Хрущева, в том числе его «взрывчатость», «раздражительность» и чрезмерное доверие к подхалимам. Однако

за политику Хрущева в Суэцком канале и Берлине он заступился, а по поводу Кубы напомнил членам Президиума, что все они одобряли отправку ракет. По его мнению, достаточно было бы сместить Хрущева с поста партийного руководителя, но должность председателя Совмина оставить за ним. Отставка Хрущева с обоих постов «будет богатым подарком китайцам, Мао Цзэду, а кроме того, все, что сделано и делается Никитой Сергеевичем, — это наше богатство. И не надо им разбрасываться».

Но даже такая половинчатая защита вызвала взрыв протеста. Шелепин вскочил со своего места; за ним последовали Юрий Андропов, Петр Демичев и другие. Мрачный, никогда не улыбающийся первый заместитель Хрущева в правительстве Алексей Косыгин в своем выступлении отверг «полумеры».

— Вы честный человек, — обратился Косыгин к Хрущеву, — но вы противопоставили себя Президиуму. У вас неограниченная власть. Вы ни с кем не считаетесь, никого не выслушиваете до конца, обрываете... Вы интриговали в Президиуме: одного решали «раздолбать», с другим заигрывали.

Николай Подгорный, которого Хрущев прочил на место Брежнева, с самого начала принял участие в заговоре. Хрущев, говорил он теперь, порицал Сталина за некомпетентность в военных делах — «но ведь вы, Никита Сергеевич, тоже в этом не разбираетесь. Военные говорят, что вы ничего не понимаете в обороне страны». Подгорный считал, что, если Хрущев будет смещен со всех постов, это вызовет вопросы у международного сообщества; поэтому лучше, чтобы он «сам попросил об отставке».

Брежнев подытожил выступления своих товарищей, вспомнив, как однажды Хрущев сравнил секретарей ЦК с «кобелями, задирающими ногу у каждого куста», и предложил, чтобы Хрущев ушел в отставку «добровольно». Заметив, что члены ЦК уже собираются у дверей Свердловского зала в Кремле, Брежнев предложил закончить обсуждение и поставить вопрос о Хрущеве на голосование. За отставку проголосовали все присутствующие. Микоян снял свои возражения²⁶.

Судьба Хрущева была решена; в последний раз он выступал перед Президиумом. Он находился, как вспоминал позднее Ефремов, «в состоянии сильного нервного возбуждения». Шелест называет его в эти минуты «сломленным, одиноким». В глазах у него стояли слезы.

— Выражаю благодарность за оценку моих положительных качеств... — начал он. — Вашу честность, вашу прямоту очень ценю. Рад за Президиум, в целом за его зрелость. В формировании этой зрелости есть и крупинка моей работы.

Затем Хрущев попросил «извинения, если когда-то нанес кому-то обиду, проявил грубость... Не могу сейчас все обвинения вспомнить и ответить на них. Скажу об одном: главный мой недостаток и слабость... то, что я сам не замечал своих недостатков. Вы меня обвиняете в совмещении постов Первого секретаря ЦК и Председателя Совмина. Но, будем объективны, этого я сам не добивался... Напрасно я не поднял этот вопрос на XXI съезде. Следовало бы понять и догадаться, что двойная ноша для меня будет слишком тяжела».

Глаза его снова наполнились слезами. «Это не слезы жалости. Борьба с культом личности Сталина была большой и в этом деле есть моя крупинка. Вы уже все решили. Я сделаю так, как будет лучше для партии.

Понимаю, что не могу больше выполнять прежнюю роль; но все же, будь я на вашем месте, я бы не стал совсем от меня отказываться. Нет, я не собираюсь выступать на пленуме. И не прошу у вас милости. Все решено. Как я и сказал Микояну, я сопротивляться не стану. Не стану чернить вас: в конце концов, мы с вами единомышленники. Конечно, я расстроен, но в то же время рад — рад, что партия теперь может приструнить даже первого секретаря. Культ личности Хрущева, говорите? Вот вы тут меня поливаете дерьмом, а я отвечаю: “Вы правы”. Это, по-вашему, культ личности?

Я уже давно подумывал уйти. Но трудно принять такое решение. Мне самому следовало заметить, что я не справляюсь со своими обязанностями, не поддерживаю связь ни с кем из вас. Я оторвался от вас. Вы сами виноваты, что позволили этому случиться, но, конечно, и я тоже виноват.

Я в бирюльки не играл — я работал. И теперь благодарю вас за то, что даете мне возможность уйти на покой. Напишите сами заявление от моего имени, а я подпишу. Я на все готов, если так лучше для партии. Пожалуйста, поймите меня правильно — я ведь в партии сорок шесть лет! Может быть, можно какую-нибудь почетную должность... Но нет, я не прошу, ни о чем вас не прошу. И где мне жить, тоже решайте сами. Если настаиваете, я уеду из Москвы и буду жить, где скажут»²⁷.

Когда Хрущев закончил, Президиум единогласно проголосовал «удовлетворить его просьбу» о выходе на пенсию «в

связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья».

В тот же день в бело-голубом Свердловском зале Кремля открылся пленум ЦК. Сперва выступил Брежнев с кратким сообщением об отставке Хрущева; затем на трибуну поднялся Суслов и сформулировал основные обвинения в адрес бывшего главы государства. Его речь прерывали возгласы с мест. «Исключить его из партии!.. Под суд его!» — кричали сталинисты, радуясь падению своего противника. Хрушев слушал молча, часто прикрывал глаза, а порой закрывал лицо руками. В заключение Суслов зачитал заявление Хрущева, где причинами неспособности далее «исполнять свои обязанности» назывались преклонный возраст и здоровье²⁸.

Обсуждения не было. Двоих членов ЦК с Украины, которые могли бы воспротивиться, попросту не допустили в зал, а вскоре после пленума освободили от должностей²⁹. За принятие резолюции пленум проголосовал единогласно: так же единогласно первым секретарем был назначен Брежнев, председателем Совета министров — Косыгин. После этого Брежнев закрыл заседание³⁰.

Из зала заседаний Президиума Хрушев вернулся к себе в кабинет. Его многолетний помощник по иностранным делам Олег Трояновский заметил, что он «измучен и очень расстроен». «Моя политическая карьера окончена, — сказал Хрушев. — Теперь моя главная задача — пройти через все это с достоинством»³¹. Перед началом пленума Трояновский видел, как Хрушев ходит взад-вперед по маленькому кремлевскому скверу: стоял пронизывающий холод, но Хрушев, против обыкновения, был без шляпы. Позже, вернувшись к себе в резиденцию, он отдал свой черный портфель сыну и со вздохом сказал: «Я теперь пенсионер».

В тот же вечер к Хрущеву явился Микоян и за чаем, который пили в столовой, сказал:

— Нынешняя загородная резиденция и городская квартира сохраняются за тобой пожизненно. — (На самом деле и того и другого Хрушев вскоре был лишен.)

— Хорошо, — рассеянно отозвался Хрушев.

— Охрана и обслуживающий персонал тоже останутся, но людей заменят. — (Новые телохранители не столько охраняли Хрущева, сколько держали его под почетным «домашним арестом».)

Хрушев что-то проворчал в ответ.

— Будет установлена пенсия — 500 рублей в месяц и закреплена автомашина. Хотят сохранить за тобой должность члена президиума Верховного Совета, правда, окончательно

ного решения еще не приняли. — (Утверждено это предложение не было.) — Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта Президиума ЦК, но они предложение отвергли³².

— Это ты напрасно, — проговорил Хрушев. — На это они никогда не пойдут. Зачем я им после всего, что произошло? Мои советы и неизбежное вмешательство только связывали бы им руки. Да и встречаться со мной им не доставит удовольствия... Конечно, хорошо бы иметь какое-то дело. Не знаю, как я смогу жить пенсионером, ничего не делая. Но это ты напрасно предлагал. Тем не менее спасибо, приятно чувствовать, что рядом есть друг³³.

Два старика вышли на асфальтированную площадку перед домом. На прощание Микоян обнял и поцеловал Хрущева; затем повернулся и зашагал к воротам. Хрушев провожал его взглядом, не зная, что видит своего друга в последний раз. Оттого ли, что Микоян боялся за собственную карьеру, или оттого, что грубостью и бранью Хрушев и его оттолкнул от себя, — но никогда больше он не приезжал навестить старого товарища.